

ВИТАЛИЙ МАЛЬКОВ

ИЛЬИЧ

РАССКАЗ

Когда-то Ильич стоял в фойе городского Дворца пионеров, вдохновляя гипсовой улыбкой юных строителей светлого будущего и указывая им рукой верную дорогу. А многочисленные его “внучата” в красных галстуках, проходя мимо Вождя, робко бросали на него свои взгляды, полные благоговейного трепета и безмерного восхищения, и молчаливо заверяли Ильича в том, что заветы его будут непременно исполнены, а дело никогда не умрёт.

Да, именно так всё раньше и было. Но потом...

Потом страна внезапно отреклась от того, кто дерзнул озарить людям путь к всеобщему счастью, и гипсового Ильича убрали с глаз долой в подсобку, где он и простоял несколько лет, не ведая о том, что творится в государстве. Дворец пионеров сначала переименовали в Дом детского творчества, а затем и вовсе продали, и вместо него возник центр досуга с несколькими кафе и биллиардной. А однажды покрывшегося пылью Ильича грубо и цинично выволокли из подсобки, погрузили в кузов старенького “ЗИЛа” и вывезли куда-то за город...

— Давай-ка здесь попробуем. Сюда буржуи ещё не добрались. — Степан Потехин резко крутанул руль и свернул с автотрассы на пыльную просёлочную дорогу. — Я здесь в прошлом году рыбачил. Карась сам в ведро прыгал.

МАЛЬКОВ Виталий Олегович родился в 1972 году в городе Артёмовске Донецкой области. Затем жил в Якутии, в Новосибирске. Сейчас проживает в Белгороде. Окончил в 1995 году Сибирскую государственную геодезическую академию. Капитан внутренней службы в отставке. Публиковался в журнале “Наши современники”. Автор сборника прозы “Продавец книг”.

Спутник Потехина Мешков, сосед по улице, согласно промолчал, ему не было особой разницы, где провести выходной. Лишь бы подальше от жены с её пестоянными домогательствами по хозяйству — сделай то, сделай это...

“Москвич”, исправно прослуживший Потехину полтора десятка лет, катил по дороге весело и резво, словно хотел казаться молодым. Впрочем, машина, благодаря неустанной заботе хозяина, и в самом деле неплохо сохранилась и могла послужить ещё не один год.

— Скупили, паразиты, все пруды да озёра, — ругался Потехин. — Вот собственники, мать их! А где нам рыбу ловить? В лужах, что ли?

Мешков на это ничего не сказал, а только хмыкнул неопределённо.

— Они скоро и лес купят, а с нас будут деньги за вход брать, — не унимался Потехин. — И никакой власти на них нет.

“Москвич” остановился в нескольких метрах от воды, и рыбаки вышли осмотреться. Субботнее утро выдалось тёплым, но не жарким — лёгкий ветерок носил по небу облака, то собирая их в кучи, то разгоняя в разные стороны, будто бы играя с ними. В общем, погода предвещала приятную ловлю.

— Нет, тогда я был на той стороне. Видишь вон те кусты? — Потехин указал рукой. — Там место удобное.

— Здесь тоже неплохо. — Мешков достал из багажника спортивную сумку с принадлежностями для рыбалки. — Ну что, откроем сезон?

— Расстилай скатерть-самобранку, а я пока червей накопаю. — Потехин взял небольшую и удобную штыковую лопатку и пустую консервную банку.

Он отошёл к густому кустарнику, через который к пруду пробивался ручей. Хотел уже было начать копать, как вдруг заметил сквозь листву что-то белеющее. Поддавшись естественному любопытству, обошёл кусты и увидел лежащую возле самого ручья статую, выполненную почти в полный человеческий рост. Статуя лежала на боку, с протянутой вперёд рукой, её голова была скрыта под слоем грязи, так что Потехин сразу не разобрал, кто перед ним.

— Ну-ка, ну-ка... — Его любопытство разгоралось. Худой и жилистый от природы, привычный с детства к физическому труду, он обладал немалым упорством характера и старался доводить любое дело до конца.

Бросив лопатку и банку, Степан присел и, воспользовавшись торчавшей рукой как рычагом, рывком перевернул статую, освободив её голову. Только теперь он узнал изваяние.

— Во как! — изумился он. — Надо же!

Он призадумался, разглядывая гипсового Ильича. В памяти пронеслось счастливое пионерское детство — красный галстук, школьные линейки, летний лагерь, костёр, зарница. Вспомнился долгожданный и волнующий момент вступления в пионеры, когда он, Стёпа Потехин, с замиранием сердца говорил слова клятвы. Казалось, это было совсем недавно. А ведь уже три десятка с гаком лет миновало с тех пор.

— Юрка! — позвал Степан соседа. — Иди-ка, глянь!

Мешков отложил приятное занятие и поспешил к товарищу.

Потехин тем временем закатал по локоть рукава камуфляжной куртки, сорвал пучок травы и, присев на корточки, стал протирать лицо статуи, улыбаясь своим воспоминаниям. Но грязь за долгое время слишком прочно присохла к гипсу и никак не желала оттираться. Тут нужны были тёплая вода и тряпка.

— Что, дипломат с деньгами нашёл? — Мешков был уже рядом и, увидев находку, присвистнул. — Ильич, что ли? — Он засмеялся. — Выбросили на свалку истории. Ну-ну...

— Дурак ты, Юрка! — зло бросил Потехин. — Чего зубы скалишь? Забыл уже, как галстук и значок носил? Или тебя тоже коммунисты в детстве обижали, как этих... новоявленных?

— Да ладно. — Мешков набычился. — Он тебе что, родственник? Валется тут, и хрен с ним. Айда лучше рыбу ловить.

Но Потехин уже лишился спокойствия. Он не мог просто так бросить здесь Ленина. Он ещё не знал, зачем ему статуя, но, как человек практичный, привык подбирать всё, что может на что-то сгодиться.

— Рыба подождёт. Ильича спасать надо.
— Ну, ёлы-палы! — Мешков смотрел на Потехина как на полоумного. — Я там уже и бутылку открыл. Уху сварим...
— Погоди ты, не до уха теперь. — Потехин подобрал лопатку и банку и вновь обернулся к статуе. — Ничего, Ильич, полежи тут ещё немного. Мы скоро.
— Что ты ещё придумал? — Мешков вздохнул.
— Поехали к Гришке Нечаеву. У него прицеп есть...

Нечаев, как обычно, проводил выходной день в огороде. Он долго не мог понять, что от него хотят, но когда услышал про Ленина и “магарыч”, то сразу же выказал резвость ума.

— Так вам прицеп, что ли, нужен? — Нечаев покрякал. — Дать не дам, а с вами поеду, раз такое дело. Ильича я до сих пор уважаю, чего бы там про него всякие горлопаны ни болтали...

Не прошло и часа, как нечаевская “Нива” с прицепом стояла на берегу пруда.

— Вот оно как бывает, — покачал головой Гришка, склонившись над статуей. — Сунули бывшего вождя лицом в грязь.

— Это для тебя он бывший, — недовольно пробурчал Потехин, — а я своих убеждений не менял и партбилет до сих пор храню.

— Надеешься, что коммунисты опять власть возьмут? — Мешков хихикнул и почесал затылок. — Надейся-надейся. Только история назад уже не повернёт. Это точно.

— Поживём — увидим, — упрямо процедил сквозь зубы Потехин. — Не вечно же этим хапугам править.

— Что, новой революции жаждешь? — не унимался Юрка. — А сам-то чего на баррикады не идёшь и листовки не клеишь? Слабó?

— Да ничего не слабó! — завёлся Потехин. — Пойду и на баррикады... но не один же. Вот если бы новый вождь появился и за собой позвал...

— А может, потихоньку всё само наладится? — неуверенно предположил Нечаев. — Неужто им там, в Кремле, хочется, чтобы народ против них поднялся? Ведь от этого никому лучше не будет. Опять кровь да разруха... Кому это надо?

— Наверно, надеются, что не поднимется народ. — Потехин опять задумчиво смотрел на Ленина. — Думают, совсем у нас мозги пропиты, и силы духа не осталось... Ладно, мужики, понесли Ильича в прицеп. Только осторожно.

Втроем они легко подняли статую и перенесли её к машине. Нечаев расстелил на дне прицепа брезент, на который вождя и положили, подоткнув ему под бока комки дёрна с землёй, чтобы не повредить при перевозке.

— Эх, пропала рыбалка, — горевал Мешков на обратном пути. — Ну что ты, Потеха, за человек такой? Вечно тебе больше всех надо.

Потехин молча слушал обвинения и ощущал в душе праздник. Такое состояние он часто испытывал в детстве, а последний раз — при рождении сына. Давно уже это было.

— Интересно, откуда его притащили? — размышлял вслух Мешков. — В нашем совхозе я такого вроде не видел. Наверное, из города привезли...

Когда-то “Светлый путь” был богатым совхозом, в котором добросовестно трудились Николай и Надежда Потехины, родители Степана. Совхоз давал областному центру картошку и кукурузу, овощи и фрукты. И век бы ещё ему кормить горожан, не случись в стране перестройка. Постепенно “Светлый путь” пришёл в полный упадок, а затем, уже в новые времена, его плодородные земли кинулись раскупать частные владельцы. На месте старых брошенных домов выросли двухэтажные особняки, окружённые высокими стенами из дорожного цветного кирпича и камня.

Степан тоже успел после армии поработать в родном совхозе. Он был и трактористом, и механиком, и начальство возил, а когда, как и многие другие, попал под сокращение, то в запой от безделья не ударился, а быстро на-

шёл в городе новую работу. Поскольку был Потехин, как говорится, мужиком с головой и руками, то устроился сборщиком мебели в небольшой частной фабрике. Зарплату получал вполне приличную, а потому чувствовал себя уверенно и трудился добросовестно, дорожа своим местом...

Жена Потехина давно подбивала его продать дом и перебраться в город, “поближе к цивилизации”, но он всё не решался. Не хотелось Степану расставаться с домом, где он прожил почти двадцать лет. На этой почве в семье Потехиных часто возникали серьёзные разногласия.

— О себе, Стёпа, не думаешь, так подумай о сыне, — каждый раз твердила жена. — В городе у него для развития всё под рукой будет, а здесь что? Самогонку пить с разными дебилами? А ведь ему пора уже о взрослой жизни думать, шестнадцать скоро...

Степан понимал, что правда на стороне его Аллы, но упрямство характера мешало ему сдаться.

— Давай ещё денег на квартиру подкопим, — находил он единственную отговорку. — Не хочу я в большой кредит влезать. Это же кабала настоящая.

— Да никогда мы не накопим столько, — резонно возражала Алла. — Квартиры с каждым месяцем дорожают, а наш дом, наоборот, в цене падает. Всё равно нам без кредита не обойтись...

Потехин отворил железные ворота, и “Нива” вкатилась во двор, аккуратно мощённый бетонной плиткой. Жена стояла на крыльце, удивлённая скорым возвращением мужа с рыбалки.

— Неужто полный прицеп рыбы привезли? — Алла усмехнулась.

— Сейчас увидишь, — серьёзно ответил Степан, открывая боковой борт. Мужики подняли Ильича и поставили его на бетон.

— Ну, как тебе улов? — Потехин с улыбкой смотрел на жену.

— Господи! — всплеснула руками Алла. — Это ещё что такое?

— Да вот, будет теперь у нас свой товарищ Ленин, — с гордостью сказал Степан. — Давай-ка, мужики, его сюда. Пусть встречает всех входящих.

Но Алла почему-то не разделила радость мужа, а лишь pokrutila пальцем у виска.

— Совсем, что ли, сбрендил? Не хватало нам только памятника во дворе. Хочешь, чтобы все соседи на смех подняли?

— Много ты понимаешь, — отрезал Потехин. — Пусть стоит Ильич. Человек о всеобщем счастье мечтал. Разве это плохо?

— Вот дуралей! — Алла покачала головой. — Да о каком таком счастье? Ты будто с Марса упал...

— Может, и с Марса. — Степан отошёл на несколько шагов, любуясь статуей. — Вот ещё помоем его, и будет как новенький.

— Опять за социализм свой цепляешься, — не унималась жена. — Сколько же можно? Нет его уже давно, забудь! И нечего всякий хлам домой тащить.

— Думай, что болтаешь! — обозлился Степан. — Хлам... Ты вон свои иконы по дому развесила, меня не спросила. А это моя икона. Поняла?

— Ну что, Потеха, обмыть бы это дело, — украдкой напомнил Мешков. — Не каждый ведь день Ленина находим.

— Обмыть, говоришь? — Степан взглянул на жену, которая недовольно скривилась. — А что, дело нужное. — Он повеселел. — Объявляю вечером банкет по поводу спасения вождя!

Алла вздохнула и скрылась в доме, зная, что сейчас с мужем спорить бесполезно.

— С жёнами! — Потехин пожал приятелям руки. — Гульнём как положено...

Потехин съездил в местный мини-маркет и купил там пару батончиков “краковской”, упаковку минералки и буханку белого хлеба. Жена его, сменив гнев на милость, кроме разной майской зелени с огорода, выставила на стол, поставленный прямо во дворе, прошлогодние соленья и свежее испечённый пирог с гусятиной.

А вечером отмытый от грязи, посвежевший Ильич встречал во дворе гостей, как бы приветствуя их вытянутой вперёд рукой. Мешков и Нечаев привели своих супругов, и все дружно сели отмечать находку. Ради такого дела Степан достал из закромов литровую бутылку самогона на меду, выгнанного тестем, у которого имелась небольшая пасека.

— Выпьем за товарища Ленина, — предложил тост Потехин, — и за светлое будущее. Глядишь, и придёт оно когда-нибудь. Может, хоть внуки наши увидят...

— Должно прийти! — поддержал его Нечаев. — Затея-то хорошая была.

Все приступили к ужину, а спасённый Ильич вроде бы одобрительно поглядывал на застолье, воодушевляя собравшихся гипсовой улыбкой.

В самый разгар веселья во двор неожиданно заглянул сосед Потехиных Василий Недайвода, которого все местные прозвали помещиком. Он купил рядом два заброшенных участка, снёс там старые развалюхи и возвёл на их месте двухэтажный красавец-терем с подземным гаражом. Никто толком не ведал, чем именно занимается Василий, но поговаривали, будто это связано с машинами и не всё там чисто.

— Вечер добрый, соседи, — поздоровался Недайвода, походивший сейчас на тренера российской сборной — такой же важный вид и спортивный костюм, купленный явно не на рынке. — По какому случаю торжество?

— Да вот, — Степан указал на статую. — По этому случаю. Садись с нами, коль зашёл. Обмоем Ильича.

Увидев изваяние, Василий сразу прошёл к нему.

— Где ж ты Ленина раздобыл?

— Да так, приобрёл по случаю, — уклончиво ответил Потехин, гадая, зачем зашёл Недайвода.

Василий обошёл вокруг статуи, осмотрел её со всех сторон, потрогал рукой гипс, похмыкал, почесал свой внушительный живот.

— Я чего зашёл-то... — Он не отрывал от Ильича взгляда. — Выручи. У меня “болгарка” полетела. Свою на завтра не дашь? Надо трубу порезать.

— Не вопрос. Конечно, дам. — Степан встал из-за стола. — Так что, выпьешь за товарища Ленина?

— Извини, сосед, — Василий помахал перед собой руками, — мне ещё за руль садиться. Надо в город смотаться.

— Ну, как знаешь.

Степан сходил в сарай и вынес Василию электрическую шлифмашину.

— Держи. Совсем ещё новая. У тебя круги есть?

— Да кругов-то хватает. — Недайвода задумчиво разглядывал статую. — Слушай, продай его мне.

— Кого? — не понял Потехин. — Ленина, что ли?

— Ну да, его. Десятку дам.

— Десять тысяч? — Степан растерянно посмотрел на приятелей, затем — на жену, которая тут же усиленно закивала, показывая, что нужно соглашаться. Перевёл взгляд на статую. Показалось, будто Ильич нахмурился.

— Мало, что ли? — Василий облизнулся. — Ну, полторы. Только из уважения к тебе.

Степан вспомнил, как год назад Недайвода выручил его, одолжив деньги на лечение отца, которого пришлось везти за границу, в Харьков. Отказывать соседу было как-то неловко, мало ли как жизнь повернётся, но и расставаться с Ильичом Потехину тоже не хотелось. А что, если не случайно произошла эта находка, и в ней крылся какой-то тайный смысл?

Степан кусал губы, не зная, как ему поступить.

— Да неужто Ленин так дёшево стоит? — вмешалась в разговор жена. — Ты, Василий, не жадничай. Смотри, какой музейный экспонат.

Недайвода опять подошёл к статуе и снова потрогал её рукой.

— Сколько ж вы хотите за него?

— Тыщу долларов! — выпалила Алла.

— Штуку баксов? — Василий засопел, бурявая Степана и его жену недобрым взглядом. — Да не стоит он столько.

Гости за столом перестали есть и пить и наблюдали за происходящим торгом. Даже сам Ильич, казалось, прислушивался к разговору.

— Почему это не стоит? — Степану даже стало обидно за Ленина. — Всё же вождь мирового пролетариата.

— Был бы он из бронзы или мрамора, тогда другое дело. — Василий почесал коротко стриженный затылок. — Давайте за двадцать.

— Двадцать, говоришь? — Степан боролся с искушением согласиться. С одной стороны, неплохие деньги сосед предложил. Всё-таки двадцать тысяч на дороге не валяются. Но что-то мешало ему дать согласие, что-то удерживало. — А зачем он тебе?

— Да задумка у меня есть. — Василий хитро прищурился. — Хочу у себя типа дворянской усадьбы сделать. Ну там бассейн, лужайка с беседкой, статуи и всё такое. — Он хихикнул. — Венера и Амур у меня уже есть, и для комплекта Ленин бы сгодился. Поставлю его, к примеру, так, чтобы он рукой на туалет показывал. Круто, да?

— На туалет, значит? — Степан ощутил в душе сильное негодование. От мысли, что Ильича хотят использовать столь цинично, возникло желание послать соседа куда подальше. Но сориться с ним было рискованно и глупо.

— Ну так что, по рукам? — Василий смотрел с надеждой.

— Дай я до завтра всё обдумаю, — пробормотал Потехин, отводя взгляд. — Такое дело... Сам понимаешь...

— До завтра? — хмыкнул Недайвода. — Ну подумай-подумай. — Он хлопнул Степана по плечу. — Всё правильно, утро вечера мудренее.

Взяв “болгарку”, Василий по-хозяйски вышел со двора, что-то бурча себе под нос.

Степан облегчённо вздохнул и налил себе полную стопку. Выпил её в одиночку и закусил куском пирога.

— Дурачина, — высказала ему жена. — Продай ты ему эту скульптуру, от греха подальше. Кто ещё за этот хлам такие деньги предложит?

— В самом деле, Потеха, — поддержал Аллу Мешков. — Хоть какая-то тебе польза от Ильича будет.

— Ты слышал, что он сказал? — возмутился Степан. — Не хватало, чтобы этот хапуга над Лениным глумился.

— Эх, везёт же чудачкам. — Мешков покачал головой. — Ему за кусок гипса такие деньги отваливают, а он ещё артачится.

— Что, завидуешь? — Степан насупился.

— Тебе, что ли? — Мешков хохотнул. — Просто смотрю на тебя и дивлюсь. — Он тоже выпил, ни с кем не чокнувшись. — На кой тебе этот Ленин сдался? Продай его к чертям собачьим!

— Нет, нельзя Ильича продавать. — Молчавший до этого Нечаев проявил оживление. — Мы вождями не торгуем.

— Во! — Потехин поднял вверх указательный палец. — Правильно.

— Держи, брат. — Нечаев пожал Степану руку.

— А ты, Гришка, тут не командуй! — вскипела Алла. — Без тебя разберёмся.

— Не трожь его! — Степан погрозил жене пальцем. — Он в точку сказал.

— Вот из-за таких, как ты, у нас все беды, — распалился Мешков.

— Из-за каких таких? — Степан нахмурился.

— Да из-за таких! Нет, чтобы жить как все... Нормальные люди про твоего Ленина давно уже забыли.

— Это Недайвода, что ли, нормальный?

— Да хоть бы и он. Реально надо на жизнь смотреть, а не в облаках витать.

— Реально — это как? — Степан зло усмехнулся, чувствуя, что не на шутку распаляется. — Стать таким же хапугой, как этот? — Он кивнул в сторону дома Недайводы. — Развелось всяких буржуев...

— Гляди-ка, пролетарий выискался! — Мешков отодвинул в сторону тарелку. — Что твой Ленин с большевиками хорошего сделал? Только задурили народу мозги. Светлое будущее, светлое будущее! Тьфу!.. — Он сплюнул. — Где оно, это будущее?

— Ты здесь не плуйся. — Степан сжал кулаки. — Я давно подозревал, что ты холуй буржуйский.

— А за холуя можно и по роже схлопотать... — Мешков поднялся.

— А ну попробуй...

— Да что вы из-за ерунды собачитесь? — попытался остудить ссору Нечаев.

— Нет, Гришка, это не ерунда. — Потехин налил себе самогону. — Здесь человеческая сущность выявляется.

— А ты мою сущность не трожь. — Мешков опять сел. — Ещё с твоей надо разобраться. Тоже мне, парторг нашёлся.

— Вот сейчас бы парторги не помешали. — Степан выпил и не стал кусывать, потому как горечь во рту не могла превозмочь душевную.

— Стёпа, ну что ты как ребёнок? — Алла нежно обняла его за шею. — Всё равно нам надо в город перебираться. Или ты Ленина в квартире поставишь? — Она потрепала русые волосы мужа. — Остынь сперва, а потом здраво рассуди.

Степан вздохнул, не зная, что возразить. Он перевёл взгляд на зелёные, пышные кроны садовых деревьев, и в груди заняло при мысли, что с ними рано или поздно придётся расставаться.

— Ничего вы не понимаете, — грустно сказал Потехин. — Это же Ленин...

Степан открыл глаза и несколько минут лежал, прокручивая в памяти прошедший день. Рядом, тихонько посапывая, спала жена. Осторожно, чтобы не нарушить её сон, Степан встал и надел брюки. Прихватив с собой пачку сигарет и зажигалку, он набросил на плечи ветровку, бесшумно отворил входную дверь и вышел на крыльцо.

В глубине двора, хорошо освещаемый луной, одиноко белел гипсовый Ильич. Степан закурил, рассеянно глядя на изваяние и ёжась от ночной майской прохлады. Остатки сна сняло как рукой.

— Что же мне с тобой делать, товарищ Ленин? Не подскажешь?..

Потехин напрягся, словно и в самом деле надеялся услышать ответ, но статуя, естественно, молчала. Зато в памяти вновь возникли картины из пионерского детства, в котором Стёпка с гордостью носил красный галстук и верил, что живёт в самой лучшей стране. Эх, если бы можно было хоть ненадолго вернуться туда...

— Видно, не случайно я тебя нашёл. Как думаешь?

Ленин опять не ответил.

— Молчишь, Ильич? — Степан стряхнул с сигареты пепел и вздохнул. — Понятно...

Ему вдруг захотелось рассказать Вождю о своей жизни, поделиться душевной болью. Да много чего он бы сказал... Если бы только Ильич мог выслушать...

— Эх, товарищ Ленин, некому за народ заступиться...

Ночную тишину нарушил короткий басистый лай. Это исправно нёс свою собачью службу ротвейлер Недайводы Самсон, которого по вечерам хозяин спускал с цепи.

Потехин перевёл взгляд на безоблачное небо, густо усеянное звёздами, и решительно загасил о деревянные перила крыльца недокуренную сигарету.

Налетевший порыв ветра закачал ветви яблони, под которой стоял Ленин, и Степану показалось, будто статуя пошевелила рукой, словно бы поманила к себе. Сделалось немного жутковато от мысли, что Ильич сейчас шагнёт навстречу и быстро, картаво заговорит, как в фильмах. Но Вождь спокойно стоял на месте — это всего лишь тени бежали по его гипсовому телу, создавая иллюзию движения.